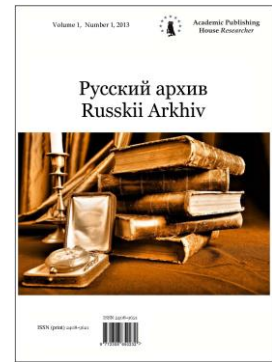

Copyright © 2019 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
 Russkii Arkhiv
 Has been issued since 1863.
 E-ISSN: 2413-726X
 2019, 7(2): 173-183

DOI: 10.13187/ra.2019.2.173
www.ejournal16.com

“Shells from Monastyrskaya”: Recollections about Forced Labor in Germany during World War II

Preparation for publication, introductory article and comments

Victor B. Belous ^{a, *}

^a State Archives of Kirovograd region, Ukraine

Abstract

A young Ukrainian girl is taken to forced labour to Germany during World War II. First she finds herself in a camp in Breslau, the city, turned by the Germans into a fortress to stop the advancing Soviet troops, later – at a munitions plant at Nieder Petersdorf in Silesian countryside. Ukrainian girls and young women are put to production of artillery shells, an exacting and health-hazardous process, combined with harsh living conditions at their labour camp. Being of Jewish origin, Monastyrskaya has to conceal it to avoid extermination, and registers under an assumed name. Some of the girls have accepted their position and collaborate with Germans, examples of their thoughts and behaviour are cited in the document. Others, Monastyrskaya among them, have organized a resistance group and try to sabotage German war effort by spoiling shells and slackening production processes. Despite abhorring conditions of labour camp existence many of the girls remain true patriots. Monastyrskaya writes some poetry, it helps her to mentally stay in touch with home and family. Young age optimism, patriotism and resilience help the labourers to survive and meet their liberation. This is what Fanya Monastyrskaya writes about in her reminiscences.

Keywords: Ukraine, World War II, Kirovograd, forced labor, Silesia, war effort, Germany, sabotage, Breslau, shells, letters, reminiscences, repatriate.

Вторая мировая война стала реальностью для жителей Кировограда (сейчас – Кропивницкий) – небольшого областного города в центральной части Украины уже 5 августа 1941 г., когда в него вошли передовые части немецких войск. К концу августа немецкими и румынскими войсками была занята вся территория области. Большинство жителей к смене власти отнеслись пассивно, поскольку перемены в их повседневной жизни не были кардинальными.

Следует признать, что украинцы не интересовали оккупантов как самобытный народ. Прежде всего, они воспринимали их как рабочую силу для обслуживания представителей «высшей расы», а территорию Украины – как источник сельскохозяйственной продукции и промышленного сырья. Соответственно, важной составляющей оккупационной политики стали заготовки различной продукции, а также добровольный, но чаще принудительный

* Corresponding author
 E-mail addresses: oldmajor@ukr.net (V.B. Belous)

выезд молодежи на работы в Германию, который приобрел массовый характер: всего с территории Кировоградщины в Германию было вывезено более 50 000 человек.

Изначально выезд осуществлялся в добровольном порядке, о чем свидетельствуют отдельные хранящиеся в Государственном архиве Кировоградской области (далее – ГАКО) заявления граждан в органы оккупационной власти и местные СМИ. Например, житель села Краснокаменки Александрийского района Кировоградской области Сергей Иванович Лымарь 1 апреля 1942 г. обратился в газету «Украинские вести» со следующим вопросом: «Я имею желание выехать в Великую Германию. Состав семьи: я, Лымарь Сергей Тарасович, 1896 года рождения, и сын – Лымарь Михаил Сергеевич, 1930 года рождения». Ответ ему через газету дал отдел труда: «Вы можете выехать со своим сыном на сельскохозяйственные (не на промышленные) работы. Для этого Вам надлежит зарегистрироваться в отделе труда... Из Кировограда новый эшелон работников в Германию должен выйти 4 мая 1942 года» (оригиналы на украинском, пер. В.Б.) (ГАКО. Ф. Р-2504. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–2).

Начиная с 1943 г. молодежь стали вывозить в Германию принудительно. Судьбы остарбайтеров складывались по-разному, в зависимости от того, в какую местность и на какие работы они попадали, однако режим проживания все равно напоминал концентрационный лагерь: кормили плохо, а работать приходилось по 12–14 часов в день (Невигада, 2004). Ситуация достаточно убедительно охарактеризована в небольшом массиве их писем домой, которым располагает ГАКО. Процитируем выдержки из некоторых из них: «Живу в 25 км от Берлина в обнесенных колючей проволокой лагерях. Работаю на заводе по 10 часов. Кормят раз в сутки – жиденький суп и кусочек хлеба» (оригинал на украинском, пер. В.Б.) (Письмо Ивана Покуля, 1942); «Я пока еще жива, но со здоровьем очень плохо, так как идем на работу – есть хочется, спать ложимся тоже голодными. А работаем мы с утра до поздней ночи. Кормят раз в день, а еда такая, что у нас и свиньи бы не ели» (оригинал на украинском, пер. В.Б.) (Письмо Надежды Воропай). Здесь, в принципе, вполне уместно вспомнить и условия, в которых работали труженики тыла в СССР в те же военные годы.

По окончании войны многих остарбайтеров ожидали сложности при возвращении домой: им пришлось проходить проверочно-фильтрационные лагеря (далее – ПФЛ) органов контрразведки СССР, заполнять опросные листы (Полян, 2002; Кринко, 2008 Krinko, Zaharina, 2019). В фондах ГАКО насчитывается около 14 тыс. фильтрационных дел бывших остарбайтеров. Письма этих людей, адресованные родным и близким, в большинстве своем утрачены в силу объективных причин, но в фондах архива имеется небольшая подборка их воспоминаний, написанных сразу по возвращении из неволи, по свежим впечатлениям (см. Рис. 1). Среди данных документов – самодельная тетрадь, сшитая из страниц польской амбарной книги. Это – записи молодой девушки Фани Семеновны Монастырской (см. Рис. 2), угнанной из Украины, судя по тексту – из Ворошиловградской области (но фильтрационное дело не обнаружено, поэтому дополнительных подтверждений этому нет) на работы в Германию (ГАКО, коллекция воспоминаний. Инв. № 20. Л. 39–59об.).

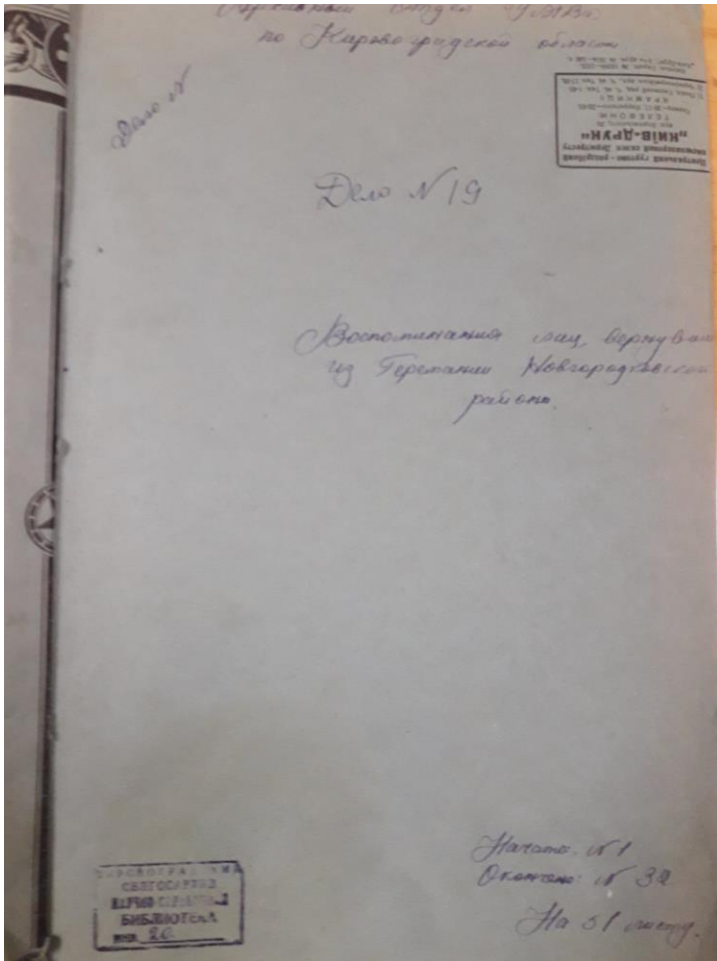

Рис. 1. Обложка дела воспоминаний лиц, вернувшихся из Германии (ГАКО, коллекция воспоминаний. Инв. № 20)

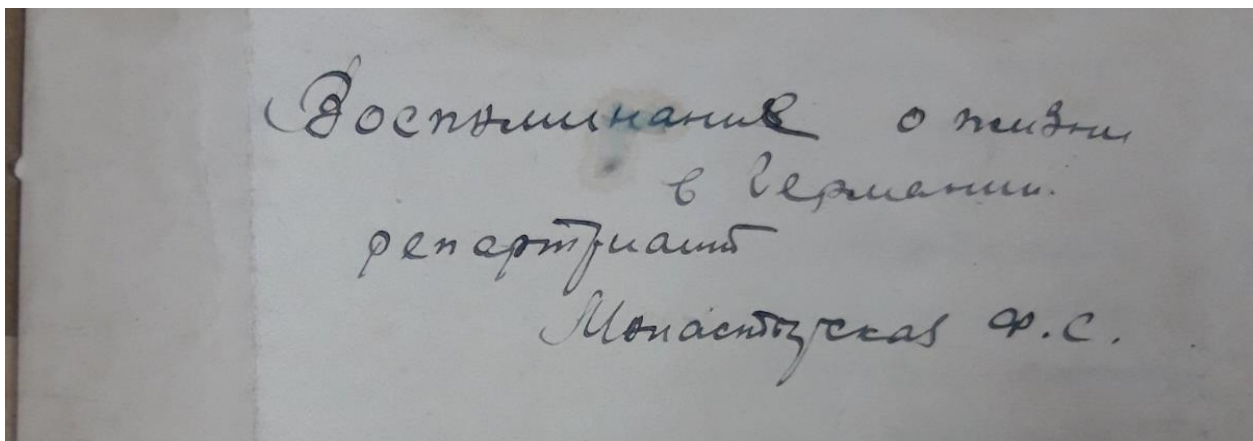

Рис. 2. Обложка воспоминаний Ф.С. Монастырской (ГАКО, коллекция воспоминаний. Инв. № 20).

Рассказывая о своем пребывании в Германии ((ГАКО, коллекция воспоминаний. Инв. № 20. Л. 39–590б.), она упоминает город Бреслау (польский Вроцлав) и железнодорожную станцию Нидер Петерсдорф (сейчас это Печовице Дольне). Во время Второй мировой войны немцы превратили этот силезский город в крепость (фестунг): «Войска, засевшие в такой крепости, становились гирей на ногах наступающих советских или союзных войск, не позволяли использовать идущие через них коммуникации и, наконец, выдергивали крупные

силы из рядов наступающих, заставляли тратить много сил, крови и времени на осаду и штурм (Норин, 2018). Бреслау как крупный промышленный и транспортный центр «однозначно попадал в этот список. В городе накапливались запасы продовольствия и возводились укрепления. Строить по-настоящему развитую систему долговременных укреплений было некогда и не из чего, но в Бреслау возводились бетонные бункеры еще в Первую мировую войну, а кроме того, город сам по себе был плотно застроен капитальными каменными строениями, старыми крепостными фортами и промышленными объектами. Все это творчески дополнялось колючей проволокой, баррикадами и тому подобными сооружениями, которые можно было быстро и легко построить». (Норин, 2018). Строительство оборонительных сооружений проводилось «с привлечением рабочей силы из трудовых лагерей, добровольцев, женщин, стариков и детей» (Лебедев, 2012).

Террор, труд и голод не сломили дух девушки, о чем свидетельствуют ее стихи, в которых она с издевкой пишет о Германии. Стихи помогали Монастырской отвлечься от кошмара, в котором она и ее подруги жили тогда. По-детски наивные тексты, неровные строфы можно критиковать сейчас, но в то время это было оружие борьбы, средство и способ удержаться от паники, душевного срыва, возможно, даже от гибели.

Вот эти строки

«А еще господин из конторы вышел

Толстый, в плаще, суровый.

На верёвке он пса за собою тянул.

Он с любовью смотрел на собаку

И с презрением глянул на нас.

Мы ж стоим... снова нас сортируют:

Одних – к «бауэру», смотреть за скотиной,

Других – господам в прислуги, в прачки,

Кого – для забавы немецким офицерам и солдатам,

Прочих – в завод, изготавливать «цапки»

(отрывок из поэмы «Брату и родному народу», пер. с укр. В.Б.)

Не исключено, что публикуемые воспоминания корректировались в пропагандистских целях. Подтверждением тому могут служить, в частности, строки из текста, в которых сообщается о сознательном вредительстве девушек при изготовлении снарядов. Вероятно, этот пассаж возник в связи с представлением о том, как советским солдатам из тыла шли посылки с кисетами для табака, варежками, домашними сладостями и по-детски наивными записками. Но упоминание испорченных руками подневольных рабочих снарядах из немецкого тыла для немецких же орудий с текстом «чем можем – поможем» вызывает и в этом случае легкое недоумение.

Возможное вмешательство в текст со стороны других лиц подтверждает и описание Монастырской разговора с одной из тех, кто пошла в услужение к немцам. Оно помогает подчеркнуть пренебрежительное отношение Монастырской и ее товарок по несчастью к материальным благам, твердость их патриотических убеждений даже в условиях лагерной жизни.

К еще одной «подсказанной» фразе можно отнести следующую: «Я наблюдала, как нищенствует страна, задыхаясь от тяжелого бремени войны. Я видела, как дети, военные, медсестры, врачи, даже монашки ходили с копилками, собирая пожертвования. Это очень бросалось в глаза, лишней раз доказывая бессилие страны». Разумеется, говорить о «бессилии» нацистской Германии, страны, армия которой через три месяца после начала войны оказалась на окраинах Москвы, не совсем объективно, а описанные сборы пожертвований проводились во многих странах-участницах боевых действий. Стоит только вспомнить самолеты и танки, приобретенные для Красной армии на личные средства рабочих и колхозников!

Примером, когда автор воспоминаний тонко уклонилась от, уверен, навязывавшегося текста, служит абзац, в котором она сообщает, что в Германии ей не приходилось встречаться с узниками немецких концлагерей. Далее следует изложение перенесенных теми страданий с их собственных слов. Девушка не хотела писать о том, чего сама лично не видела, сохранив, таким образом объективность дошедших до нас воспоминаний.

На основании имеющихся в ГАКО материалов трудно выяснить дальнейшую судьбу Ф.С. Монастырской. Можем только поблагодарить эту героическую девушку за оставленное нею для потомков свидетельство тех трудных времен...

В 2018 г. фрагмент воспоминаний Ф. Монастырской публиковался в сборнике материалов под общим названием «Війною опалені долі» («Судьбы, обожжённые войной») (*Війною опалені, 2018: 122–127*). Нынешняя публикация содержит полный текст документа. Оригинал написан на русском языке, стихи Монастырской – на украинском, перевод на русский язык выполнен автором публикации.

Документ публикуется с соблюдением современных правил орфографии и пунктуации. Раскрываемые сокращения приведены в квадратных скобках.

Воспоминания о жизни в Германии репатриантки Ф.С. Монастырской

Воспоминание... Могу ль я назвать все это воспоминанием о прошедшей жизни или кошмарным сном, о котором, проснувшись, с вздрагиванием рассказываешь родным или знакомым. Да, это была действительность, оставшаяся в тяжелом, далеком прошлом. Не в силах я рассказать, тем более описать так четко, ясно, понятно обо всем пережитом, как это воспринималось мною.

Может не все знали о том, как угоняли многих, подобных мне, в страну коварства, лжи и лицемерия. Многие ужасы мрачнеют в моей памяти перед более кошмарными видениями, происходившими тогда на моих глазах.

Смутно возобновляются перед моими глазами картины: Бреслав... назван впоследствии мною городом мук народа.

Нас загнали в конуры, т[ак] наз[ываемые] бараки. Впервые в жизни я увидела трехэтажные нары, около которых сидела группа девчат. Девчата ли это? Пожелтевшие, истощенные лица, безынтересные взгляды, безразличные движения. Все их внимание было устремлено на железный лист, на котором лежала маленькая печеная картошка, а руки старались поймать большее ее количество. Напрасно некоторые из нас, новоприбывших людей, старались привлечь их внимание к себе, дабы кое-что расспросить. На наше счастье, в барак вошла еще группа девчат-старожилов, но, к сожалению, в это время нас всех начали выгонять на площадь, выталкивая в спину, угощая палками. Около 2,5 тыс. человек выстроили на площади, обнесенной высокой проволокой. Из конторы вышли несколько мужчин. Один из них, высокий, молодой переводчик, обратился к нам:

– Вы заслужили большого внимания от немецкого командования и должны будете в Германии работать для того, чтобы быстрее и успешнее окончательно покончить с иудобольшевизмом. Но не думайте увиливать от работы, вредить или удирать. Имейте в виду одно: немцев не перехитрить.

В это время вышел из конторы еще один мужчина с собакой на привязи. Медленным и важным шагом начал подходить к группе ранее вышедших немцев, и потом они все вместе подошли к нам. Переводчик распорядился снять всем с голов платки и во время приближения немцев раскрывать рты, показывая свои зубы. Выбрав таким образом группу внешне красивых девчат, они начали вызывать их в контору по одной, делая там пристальный осмотр фигуры, стройности ног, бюста.

Тоді стояли ми, зажурені, понурі,
Прибиті горем – камінь на душі...
Дощ моросив, та нам чекати треба
Ми ж поневолені...
Тепер же ми раби
(уривок із поеми, написаної мною, «Брату і рідному народу»)

«Тогда стояли мы, грустные и хмурые,
Подавленные горем – камень на душе...
Дождь моросил, но ждать должны мы,
Мы же в неволе...
Мы теперь рабы
(отрывок из написанной мною поэмы «Брату и родному народу», пер. В.Б)

Два дня нами бросались, куда кому захочется, регистрировали, пересортировывали. Ночью 11.XI.42 г. нас снова повели темными улицами Бреслава, гоня, как овец, и громко смеясь в глаза, если кто-нибудь из нас попросит медленнее идти – устал, мол, или ноги отказываются служить. В эту же ночь нас погрузили в вагоны.

Ещё темно было – мы высадились на одной из небольших станций, так называемой «Nieder Petersdorf».

Здесь нас передали в руки полицаев и женщины, впоследствии мы узнали, что это была лагерфюрерша¹. Пачками нас начали бросать с уже знакомых нам несколькоэтажных коек в комнаты. Изнуренные, мы бросились на лежащие там соломенные матрасы и снова проснулись от назойливого крика полицаев: «Ауфштейн»². Вывели всех во двор, от прозябы содрогалось все тело, а мы всё стояли в ожидании распоряжений. Расспросы, переспросы, вызовы, расформировка по работам длились долго. Уже было около 12 часов дня, а о завтраке никто даже не упомянул. Мы молча переглядывались между собою, но, не зная еще хорошо друг друга, не обменивались мнениями, молча наблюдая за всем происходящим и искоса посматривая на проволоку, которой был обведен весь двор. Сгруппировав человек по 50, три полицаев, конвоируя, куда-то нас повели. Снова передали другим, снова полиции, и впоследствии нас втолкнули в помещение – канцелярию, где за столом сидело две личности. Позже мы узнали: это был директор военного завода и переводчик Альбрехт Николай, бывший житель города Ленинграда, отец которого – немец. Вся их семья с приходом немцев (за исключением 2-х братьев, по его словам, служивших в рядах РККА) уехала в Германию, переписавшись на немцев. Сам Николай, уже потом я узнала, работал в каком-то гитлеровском министерстве, проводя антисоветскую работу среди русских рабочих. Вот эти две личности и начали с нами беседу-допрос, после чего полицаев производил регистрацию:

– С какой области прибыли?

– Ворошиловградской.³

– Как вам жилось у большевиков? Плохо?

Молчание.

– Что молчите? (вспылил) – Может среди вас есть личности, родители которых жида?

Почти общий смех и возмущение, отрицательные возгласы, мгновенное оживление. В эту минуту мне показалось, что все взгляды были направлены ко мне, и, по-моему, краска смущения, неловкого положения, как будто вины, залила мое лицо. Но это мне, может, только казалось. Беседа их продолжалась. Регистрировали каждого отдельно. Записывали имена и фамилии матери, деда, бабы. К этому я не была готова. Мне необходимо было моментально что-нибудь сообразить, ибо мои предки и фамилия их были типично еврейские. Решила: вместо матери записать подругу – Соколенко Татьяну, вместо бабы – Бодню Лидию. Для большего запутывания следов я записалась женой товарища по институту Брыля Ивана Федоровича.

Вышли с камеры, нас уже ожидала полиция. Привели в лагерь, и мы получили обед: дали брюкву (в этот день мы впервые с нею начали знакомиться) и несколько штук картофеля в мундире. У некоторых девчат еще был домашний белый хлеб, и, не зная их закона обедать без хлеба, проголодавшись, ели его на полный рот, искоса поглядывая на брюкву. Немцы удивлялись нашему прожорству, употребляя тогда еще малоизвестные нам слова «руссише швайне»⁴.

Двор завода. Я не могла сразу определить, что изготавливают здесь, но, открыв дверь цеха, все мы сразу поняли, потому что в цехах стояло большое количество снарядов. Полицаев передал нас шефу. А тот – мастерам цехов, в каждом из которых выполнялась различная работа. Меня поставили около железной вагонетки, нагруженной снарядами, и показали – подталкивай, мол.

Как загнанный в клетку звереныш, выглядывала я из-за вагонетки, нацепив очки на нос, чтобы лучше рассмотреть все, окружающее меня. Через открытую дверь я видела, что нашим девчатам показывали, как пробивать палочками что-то в снарядах, из которых валил

¹ Заместитель коменданта лагеря.

² «Встать! Подъём!» (нем.)

³ В настоящее время – Луганская.

⁴ Русские свиньи (нем.)

пар, а в цеху стоял сплошной дым. Я еще не знала, что это был газ. В цеху, через который я провозила вагоны девчатам, дали что-то, похожее на большое шило, сплюснутое на конце, – штохи, как мы потом узнали¹.

Девчата работали «шиллом», временами хватая левой рукой правую и массируя ее. Откровенно говоря, со стороны мне казалось, что это все игрушечный труд, я завидовала им, ведь они попали на легкую работу. Мне силы начали потихоньку изменять, и вагон за вагоном становился все тяжелее. Но девчата мне завидовали, что у меня лёгкая работа, наблюдая, как я толкаю вагоны (позже они сказали мне об этом). Спустя 5–6 часов одну из наших тихо, не создавая суматохи, вынесли из цеха. Все мы бросили свою работу и побежали к ней, пока мастера не загнали всех обратно.

Оказалось, что пострадавшая работала в цеху, где заливали снаряды горячей массой. Без привычки ее организм не мог быстро приспособиться, она потеряла сознание. Час спустя она снова вошла в цех – желтая, вялая. Ее повели на ту же работу. Мы продолжали делать то, что нам приказывали, так прошло 8 часов. Около проходной нас уже ожидали полицаи. Ужина не было. Хочешь – бери черное кофе без сахара и хлеба. И так изо дня в день.

Нас начали приучать к лагерной и фабричной дисциплине всякими «методами немецкого внушения и воспитания». Мы не имели права выходить за границы проволочного ограждения. На ночь барак запирали на ключ. Первое время нас удивило, что все рабочие фабрики (поляки, чехи, немцы и прочие) имеют какой-то красный цвет волос, а ладони у них – оранжево-желтые. Со временем наши волосы тоже приобрели такой же цвет. Нам стало понятно: газ горячей толовой массы показывал свое химическое действие на волосах и руках, несмотря на то, что мы работали в кожаных перчатках (металл и масса имели чрезвычайно высокую температуру, голыми руками работать было невозможно).

Батьку рідний, кохана матусе,
Коли б бачили доню тепер,
Ви б сказали: «Дитям ще маленьким
Придушили б – то легшая смерть».
Гляньте, мамо, дивіться, як діти
Ваші діти працюють тепер.
Он візок тягне, повний снарядів,
Не потягнеш – загрожує смерть.
Гляньте, друга проштовхує масу,
Задихається, бідна, в газу
Та не може покинути працю,
Бо кричить майстер: «Шнель, фауль ду»
(швидше, ледача ти)

Глянь, матусю, вона вже не встое
Твоя рідна, кохана дочка,
Мов стеблина, упала додолу,
В страху штохи із рук не пуска.
А легені, о мамо рідненька,
Як болять вони часто тепер.
Хочу чистим дихнути повітрям,
Відчуваю, як тут ходить смерть.
А я жити ще хочу, о мамо!
Я ж на світі іще не жила.
Будь ти проклятий всім світом, тиране,
Ти від нас забрав вільне життя
(написано мною 12.09.43)

Отец родной, милая мама,

¹ Stock (нем.) – палка, трость.

Увидели б вы дочь теперь,
 Сказали б: «А маленьким ребенком
 Придушили б – та смерть была бы легче».
 Мама, глянь, посмотрите, как дети,
 Ваши дети в работе теперь.
 Тянешь полную тачку снарядов,
 Не потащишь – тебе грозит смерть.
 А еще одна массу штокует,
 Задыхаясь, бедняга, в газу,
 Но работу не бросишь:
 Мастер орет: «Шнель, фауль ду!»
 («Быстрее, лентяйка!»)

Мама, глянь, у нее нету сил,
 У родной, у любимой дочки.
 Как тростинка она на пол упала,
 Но от страха шток из руки не выпускала.
 А легкие, мама родная,
 Как они часто болят тепер.
 Хочется вдохнуть чистого воздуха,
 Чувствую, как рядом бродит смерть.
 А мне пожить бы, мама!
 Я же на свете еще не жила.
 Будь ты проклят всем миром, тиран,
 Ты забрал у нас вольную жизнь.
 (написано мною 12.09.43).

Постепенно я начала знакомиться с подругами и товарищами по работе. Тяжелая жизнь, голод, принудительный труд, тоска по своим, мысли о родной семье, институте, друзьях, борющихся сейчас на фронте, против которых нас заставляли готовить снаряды, воспоминания о прошедшей свободной жизни в любимой Советской стране помогли мне среди разношерстной массы товарищей по работе найти искренних, настоящих друзей-единомышленников, с которыми можно было идти на все.

Васильченко Ганнуша, Беденко Мария, Оселедько Галя, Пульна Мария и мужчина (о себе он не говорил ничего, но вскользь проскочило у него, что учился в Московской академии наук¹), живший под псевдонимом Ликучев Алексей – вот группа, которая была уверена в победе Красной армии. Под руководством Алексея, хорошо знакомого с химией, всемерно старались портить или замедлить выпуск снарядов.

Около месяца мы присматривались ко всему, знакомясь с процессом работы. Потом решили действовать. Прежде всего, мы незаметно делали все, что запрещали мастера, но потом увидели, что этого слишком мало. Работали мы все в разных сменах, и надо было организовать задуманное в основных цехах. В смене «А» и «В» в 14 и 16 цеху, где происходила заливка и штоханье снарядов, работали Пульна и Оселедько. В смене «С» в цехах людей надежных не было. Решила проситься туда Беденко, хотя по состоянию здоровья врач не разрешал ей работать в газовом цеху. Работа наладилась: Алексей приказал стараться больше бросать в сырую массу органических веществ, вплоть до тряпок, крышек из пластмассы, мела, всего того, что было под руками. Если попадемся, можно было отвориться нечаянностью, не поддавая опасности других товарищей. Маруся Пульна возглавляла подливку воды в горячую массу, что строжайше запрещалось. Галина Оселедько и Маруся Беденко организовали неправильное выштохивание снарядов. Мое дело было – задерживать выпуск снарядов, т.е. буровали иногда очень глубокие скважины, куда вкладывали запалы. Немки-браковщицы, сидящие на конвейере, возвращали эти снаряды на переработку. Надо было снова изделия заливать, охлаждать, буровать и т.д.

¹ Так в тексте.

Удавалось задерживать выпуск 3–4 вагонеток по 20 шт. снарядов, это 60–80 смертей наших братьев. Алексей работал на погрузке снарядов, один его товарищ – в подземных бункерах, где сохранялось тысячи тонн тола. Его задание было перемешивать тол с песком. Иногда, если работали в ночь, удавалось снаряды полностью загружать песком (это уже в последнее время, когда готовая продукция от нас шла непосредственно на фронт с записками «чем можем – поможем»). Была такая незначительная работа, но нас утешало то, что, возможно, есть еще много таких маленьких групп, поэтому будет польза.

Одно время нам пришлось прекратить работу. К нам в марте 1943 года прибыла группа девчат, жительниц Днепропетровска¹, перед этим работавших в Людвигсдорфе. Как родных единоплеменниц встретили мы их, пошли после работы к ним в комнату. Но, увы – прием был холоден, недружелюбен, насмешлив. Все они хорошо знали немецкий язык, изысканно, по-немецки были одеты. Двое из них: Тамара и Тася Довнорович оказались даже полунемками, брат которых служил в немецкой армии, а отец с немцами удрал с Днепропетровска (мать, кажется, осталась там). В смущении мы взглянули на свое одеяние, прически, стало неловко, и, как оплеванные, вышли с их комнаты. На следующий день мы узнали, что Кучерявая Анна (с их числа) стала работать переводчицей. С этого времени организовались две группы – одна наша, к другой относили Довноровичей, Кучерявую, Кузнецова Александра, Кузнецова Сергея (ленинградец, ярко антисоветский тип), Николая Альбрехта. Интересовало нас, как они смогли так хорошо выучить немецкий язык. Не знаю, насколько правда, но Анна рассказывала, что она была знакома с каким-то немецким офицером, который ей нанял учительницу. Через 6 месяцев Анна уже полностью владела немецкой разговорной речью.

– Что хорошего я видела при советской власти? Я не могла купить себе хорошего костюма, пальто, платья, несмотря на то, что мать моя – портниха. Вот только немецкая власть дала мне возможность хорошо одеться! – говорила она.

Я помню, как нас заставили возить во дворе снаряды. Они все вышли, в отличие от нас, гонимых и презираемых, нарядные, одетые чисто. К Тасе Довнорович подошел немецкий солдат, вежливо предложил ей свои перчатки, чтобы она не испачкала свои. Потом спросил, откуда та родом, на что Тася ответила, что Днепропетровск – полунемецкий город.

– С каких это пор Днепропетровск стал полунемецким городом? – обратилась я к своим подругам.

– Слушай, ты, коммунистка, хочешь, чтобы я тебе морду набила? Видно, ты была заядлая большевичка, – зло обратилась ко мне Тася, найдя меня в цеху. Мы разошлись врагами. Эта вражда еще усилилась после приезда ее брата – немецкого солдата, когда им всем троим дали комнату в немецком бараке и питание с немецкой кухни.

Помню восторженные рассказы Кузнецовой Ани о том, как хорошо ей жилось, когда с приходом немцев она устроилась работать при комендатуре. Разъезжая с комендантом по селам, привозила оттуда домой сахар, масло, сало и проч. Жаль только, что она не задумывалась над тем, от кого она отрывала последние запасы пищи.

Иногда немецкий рабочий находил нужным поделиться своим горем, высказать все тяготы угнетенной жизни нам, ибо знал, что так ненавидеть фашизм, как мы, никто не может. Террор, непосильный труд и голод вдобавок ощущали немецкие простые рабочие, но фашистские клещи все крепче и крепче стискивали их, и многие уже не сопротивлялись. Измученные, желтые, худые от вечного недоедания, они с презрением, отвращением смотрели на шефов, бауэров и прочую фашистскую челядь, часто посещавших нашу фабрику.

Я наблюдала, как нищенствует страна, задыхаясь от тяжелого бремени войны. Я видела, как дети, военные, медсестры, врачи, даже монашки ходили с копилками, собирая пожертвования. Это очень бросалось в глаза, лишний раз доказывая бессилие страны.

Во время пребывания в Германии мне не приходилось встречаться с людьми, вышедшими с немецких концлагерей. Уже после освобождения нас мне многое рассказали. Сколько жизней погибло там! Сколько нечеловеческих мук перенесли они! Я видела их татуированные руки, слушала рассказы, как ежедневно они ожидали своей очереди попасть в крематорий, где живьем сжигали людей, видели черный дым с запахом жареного мяса,

¹ В настоящее время – Днепр.

поднимающийся с труб крематория. Там горели живые люди. Об этих ужасах опишут очевидцы злодеяний.

Мы верили, что победит советский народ и его мужественные сыны – наши братья и отцы, воины Красной армии. Мы надеялись на то, что пусть не доживем, но будут счастливы все те, кто дождетя освобождения от фашизма и вновь станут людьми, полноправными гражданами великой семьи народов.

Репатриант Монастырская Фаня Семеновна

03.01.1946

Литература

Війною опалені, 2018 – Війною опалені долі. Збірник архівних документів. Кропивницький: Центрально-Українське видавництво, 2018. 210 с.

ГАКО – Государственный архив Кировоградской области.

Кринко, 2008 – *Кринко Е.Ф.* Опросные листы несовершеннолетних «остовцев» Кубани как исторический источник // *Вестник архивиста Кубани: историко-архивный альманах*. 2008. № 3. С. 99–102.

Лебедев, 2012 – *Лебедев А.* Бреслау как «германский Брест» 1945 года. [Электронный ресурс]. URL: <https://topwar.ru/18400-breslau-kak-germanskiy-brest-1945-goda.html> (дата обращения 26.11.2019).

Невигадане, 2004 – Невигадане: Усні історії оstarбайтерів. Харків: Райдер, 2004. 233 с.

Норин 2018 – *Норин Е.* Осада Бреслау. Как брали последнюю крепость гитлеровцев. [Электронный ресурс]. URL: osada_breslau_kak_brali_posledniuiu_kriepost_ghitlerovtsiev (дата обращения 27.11.2019).

Письмо Ивана Покуля, 1942 – Письмо Ивана Покуля, 6 декабря 1942 г. // *Коллективный труд* [Орган Каменского райкома КП(б)У]. 1945. 4 января.

Письмо Надежды Воропай – Письмо Надежды Воропай // *Коллективный труд* [Орган Каменского РК КП(б)У]. 1945. 4 января.

Полян 2002 – *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2002. 896 с.

Krinko, Zaharina, 2019 – *Krinko E.F., Zaharina E.A.* “We had to Go to the Camps of Russian Workers and Give Performances...”: Documents about the life of Ostarbeiters in Germany // *Русский архив*. 2019. № 1. С. 80–91.

References

Vijnoyu opaleni, 2018 – *Vijnoyu opaleni doli* [Destinies Scorched by the War]. Collection of Archival Documents (2018). Kropyvnytskyi: Central Ukrainian Publishing House, 2018, 210 p. [in Ukrainian]

GAKO – Gosudarstvenniy archive Kirovogradskoy oblasti [The State Archives of Kirovograd region].

Krinko, 2008 – *Krinko E.F.* (2008). Oprosnye listy nesovershennoletnih “ostovcev” Kubani kak istoricheskij istochnik [Questionnaires of underaged “osts” of the Kuban’ region as a Historical Source]. *Vestnik arhivista Kubani: historical and archival almanac*, N 3. pp. 99–102. [in Russian]

Lebedev, 2012 – *Lebedev A.* (2012). Breslau kak “germanskiy Brest” 1945 goda [Breslau as the “German Brest” of 1945]. [Electronic resource]. URL: <https://topar.ru/18400-breslau-kak-germanskiy-brest-1945-goda.html> (accessed on: November 26, 2019). [in Russian]

Nevigadane, 2004 – *Nevigadane: Usni istorii ostarbajteriv* (2004) [UnInvented. Oral History of Ostarbeiters]. Kharkiv: Ryder, 233 p. [in Ukrainian]

Norin, 2018 – *Norin E.* (2018). The Siege of Breslau: How the Last Hitlerite Fortress Was Taken. [Electronic resource]. URL: osada_breslau_kak_brali_posledniuiu_kriepost_ghitlerovtsiev (accessed on: November 27, 2019). [in Russian]

Pis'mo Ivana Pokulia, 1942 – *Pis'mo Ivana Pokulia* (1942) [Letter from Ivan Pokul’], December, 6 // *Kollektivnyi trud* [Collective Labour], organ of Kamenka regional committee of the CP(b) of Ukraine. 1945. January, 4 [in Ukrainian].

Pis'mo Nadezhdy Voropay – *Pis'mo Nadezhdy Voropay* [Letter from Nadezhda Voropay]. *Kollektivnyi trud* [Collective Labour], organ of Kamenka regional committee of the CP(b) of Ukraine. 1945. January, 4. [in Ukrainian]

Poljan 2002 – Polyan P.M. (2002). Zherty dvuh diktatur [The victims of the two dictatorships]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN, 896 p. [in Russian]

Krinko, Zaharina 2019 – Krinko E.F., Zaharina E.A. (2019). “We had to Go to the Camps of Russian Workers and Give Performances...”: Documents about the life of Ostarbeiters in Germany. *Russkii Arkhiv*, 7(1), pp. 80–91. [in Russian]

«Снаряды от Монастырской»: воспоминания о подневольном труде в Германии в период Второй мировой войны

Подготовка к публикации, вступительная статья и комментарии

Виктор Борисович Белоус^{a, *}

^a Государственный архив Кировоградской области, Украина,

Аннотация. Молодая девушка из Украины, в период Второй мировой войны угнанная на подневольные работы в Германию, попала сначала в лагерь в городе Бреслау, превращенном немцами в крепость на пути наступавших советских войск. Позже – на один из заводов по изготовлению вооружения на станции Нидер Петерсдорф, в Силезии. Украинские девушки и молодые женщины занимались выпуском артиллерийских снарядов. Этот процесс требовал особого внимания и был вреден для здоровья. Кроме того, условия жизни в лагере были очень тяжелыми. Будучи еврейкой по происхождению, Монастырская, чтобы избежать смерти, была вынуждена скрывать это обстоятельство и зарегистрировалась под чужим именем. Некоторые из девушек смирились со своим положением и сотрудничали с немцами. В документе приводятся примеры их мыслей и поведения. Другие, как Монастырская, организовали группу сопротивления с целью саботажа немецкого военного производства: они портили снаряды и замедляли производственный процесс. Несмотря на ужасные условия лагерного существования, большинство девушек остались подлинными патриотками. Монастырская писала стихи, что помогало ей мысленно оставаться рядом с домом и семьей. Молодость, оптимизм, патриотизм и стойкость помогли рабочим выжить и дождаться освобождения. Об этом в своих воспоминаниях писала репатрианка Фаня Монастырская.

Ключевые слова: Украина, Вторая мировая война, Кировоград, принудительный труд, лагерь, Силезия, военное усилие, Германия, саботаж, Бреслау, снаряды, письма, воспоминания, репатриант.

* Корреспондирующий автор
Адреса электронной почты: oldmajor@ukr.net (В.Б. Белоус)